











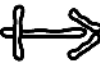




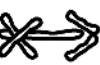














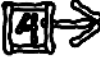



















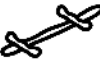






Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направление на лагерь
					Привал
					Тут переправа



Дмитрий Емец

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищен- ная от гиел
					Осторожно! Магическое минирова- ние
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязы- вать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

Поучение молодым писателям: писать нужно так, чтобы забывался весь труд мастерства, чем больше забудешься, тем выйдет очаровательней (то есть и читатель забудется), а самое уже лучшее пишется так, чтобы и сама красота мира забылась: тайно присутствуя и всему душа — красота бы исчезла из сознания, как и мастерство, и все произведение писалось бы только из побуждения любви к людям и миру.

М.М. Пришвин

В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от Бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. (...) Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достояние, нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от Бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. (...) они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; неспособные усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила.

Платон. Из диалога «Критий»

Глава первая.

ХОЗЯЙКА ДРАКОНА

— Ты мне нравишься исключительно как человек.

— Ну вот, хотела обидеть, а сказала удивительно умную вещь! Значит, только я тебе и подхожу.

Из дневника невернувшегося шныра

Дверь в кабинет Кавалерии была приоткрыта. Октавий прыгал на пороге, подбрасываемый собственным лаем. Он был не просто возмущен, а пребывал в крайнем негодовании. От лая передние лапы отрывались от пола, и на несколько мгновений крошечный пес застывал столбиком.

На полу, потому что, опустись он в кресло, голова-горшок уперлась бы в потолок, сидел Горшня. Тулуп был распахнут. Медный котел выпирающего пуза был теплым от близости батареи. На удобном, точно для него созданном изгибе котла лежал дракончик. Он объелся и потому икал — примерно раз в шесть секунд. И когда икал, становилось видно, что из горла у него торчит не до конца проглоченный рыбий хвост.

За прошедшие дни дракончик заметно подрос. Теперь он был размером, пожалуй, с небольшую дыню. От головы к хвосту спину его пересекали полосы зарождавшихся чешуек, между которыми оставались участки розовой кожи. Горбики-наросты постепенно оформлялись в маленькие крылья с кожистыми перепонками. На нижней челюсти был кожистый гребень, похожий на петушину бородку.



Дмитрий Емец

В кабинет вошли Кавалерия и Рина. За ними с кастрюлей в руках топала Суповна. Октавий ябедливо прыгал у них под ногами, призывая к совместной атаке на Горшеню. Себе он при этом отводил роль второго атакующего эшелона, а еще лучше — глубокого тыла.

— Вот, Суповна, новая нянька у нас! — сказала Кавалерия, кивнув на великана. — Трое суток с рук его не спускает! А до этого почти неделю на улице перед окном простоял. Ну я и подумала...

— ...а не нагрузить ли? Эх, мамашки, все вы такие!

Кавалерия смущенно засмеялась. Суповна была недалеко от истины.

— Да ты только посмотри на него! Этот котел! Этот изгиб в меди! Тебе не кажется, что Митяй Желтоглазый, когда делал Горшеню, знал про дракончика? А сам Горшеня? Ты когда-нибудь видела его таким счастливым?

Суповна поставила на стол дымящуюся кастрюлю. Подошла к Горшене, глянула на него снизу из-под косматых бровей. Глаза-пуговицы Горшени сияли. Он даже рукой двинуть боялся, чтобы не разбудить дракончика.

— Так видела его таким или нет? — повторила Кавалерия.

— Видела. Когда Кузепыча сожрал. Три дня без завхоза жили! Это ж счастье ж какое! — сказала Суповна и, перестав разглядывать Горшеню, уставилась на дракончика.

— Ишь, чудяцца какая! Натуральная котлета! Опять обожрамшись!

— Ты хотела сказать: какой милый! — заметила Кавалерия.

Суповна уперла руки в бока:



уветок трех миров

— Что захотела, то и сказала! Только не надо в ладони мне чудищцу совать! Заспиртовать такую дрянь — да и в музей!.. Ладно-ладно, хозяина-то нашли ему? Если Горшене оставить, он его скоро так перекормит, что страшилищу вашу поперек разорвет.

Кавалерия взглянула на Рину. Рина застенчиво стояла и ковыряла ногтем кожу укороченной *нерти*. Она догадывалась, зачем Кавалерия позвала ее к дракончику, хотя прямого разговора пока не было.

— Стесняшки? — хмыкнула Суповна. — Знаю я таких стесняшек! Давай приручай его!

Рина осторожно подошла. Великан не шевелился.

— Я возьму его, хорошо? — спросила она.

Огромный рот великана распахнулся, откинув верхнюю часть головы вместе с пуговицами глаз.

— Голова глиняная, пузо голодное, — предупредил Горшеня и приподнял громадную руку, мешая Рине приблизиться.

— Ты не съешь меня? — спросила Рина.

Горшеня не ответил.

— А взять его позволишь?

Рука великана предостерегающе качнулась. В его распахнутой голове, во всем огромном существе зрела и определялась пока неведомая, но важная мысль. Казалось, она была заложена в Горшеню с самого начала, а теперь медленно, с усилием всплывала из глубин.

— Сам... должен... выбрать... кого... — с усилием выговорил Горшеня.

Кавалерия кивнула.

— Хорошо. Он выберет. Попробуй *гепарда*! — велела она Рине.

Рина закатала рукав, высвобождая *нерть*. Помня, как это было с Гавром, коснулась дракончика *гепар-*



Дмитрий Емец

дом. Потом чуть подвинула *гепарда* и сама тоже коснулась *гепарда* и *нерти* носом. Чтобы проделать это, ей пришлось лечь щекой на медный котел Горшени. В теплом котле было что-то успокаивающее, родственное материнской утробе. Рина лежала и пыталась услышать мысли дракончика, своего собрата по той же утробе.

Дракончик ни о чем особом не думал: просто дремал. Рина бережно вплелась в его сон. Догнала волну несложных желаний. Дракончик хотел плавать. Во сне он неясно видел воду, не зная, что это вода, и не смущаясь самым определением понятия. Он просто плыл. А зачем, почему, куда — об этом он не задумывался, как не задумывается младенец, чем и по какой причине дышит.

— Плывет... — шепнула Рина.

— Как? Лапами, что ль? — с сомнением спросила Суповна.

Рина показала на крылья. Маленькие крылышки дракончика подрагивали. Похожие движения проделывал и хвост.

— Надо ему, значит, воду обеспечить, — озабочилась Кавалерия. — Может, он оттого такой толстый, что они в этом возрасте в воде живут, а на суше им двигаться тяжело?

— Думаю, они и взрослыми плавают. Полет похож на плавание. Пеги и те пытаются иногда крыльями грести, а тут крылья кожистые, перьев нет, — с ощущением, что не ошибается, предположила Рина.

— Эта-то котлета плавает? Хм... Ну разве что ныряет... — Суповна с сомнением посмотрела на дракончика. — По мамке-то не скучает?

Рина не могла покачать головой, потому что это разорвало бы ее контакт с *гепардам*, но она поерзала губами.



уветок трех миров

— Не похоже, — ответила она. — Драконы — они как черепахи или как крокодилы. Может, мать и охраняет кладку, но о детях не заботится.

— Тогда это не мать, а самка! — задиристо заявила Суповна.

От ее громкого голоса, заставившего вздрогнуть стекла, дракончик проснулся. Мысли его заметались, после чего остановились на том, что можно бы подкрепиться, раз других идей все равно не возникает.

— Давай! — прошептала Кавалерия Рине. — Пусть он тебя выберет!

Рина сосредоточилась. Догнала волной своих мыслей волну мыслей дракончика. Представляясь ему, стала формировать свой образ. Поначалу вообразила себя в виде драконихи, привлекательной во всех отношениях. «Иди ко мне, мой маленький! Я научу тебя дышать огнем!» Не сработало. Дракончик тревожно вздрогнул и попытался отодвинуться. Видно, опасался, что его сожрут. Искушая невыгодное впечатление, Рина мгновенно убрала дракониху и переключилась на пищевой ряд. Представила себя с огромной миской фарша в руках: «Ну а так? Иди сюда, малыш!»

Но то ли потому, что рыбий хвост все еще торчал у дракончика в горле, то ли еще почему-то, но рекламная кампания оказалась неуспешной. Отодвинувшись от Рины и разорвав контакт с *генардом*, дракончик заскользил по медному котлу, панически царапая лапками, чтобы не свалиться. Однако медь не тот материал, за который можно цепляться. Чем больше он царапался, тем быстрее скатывался. Пытаясь помочь ему, Рина схватила дракончика рукой. Он зашипел и, извернувшись, вцепился ей зубами в ладонь.

— А-а-а! Спятил?! Больно! Челюсти ему разожмите!



Дмитрий Емец

Дракончик шипел, Рина орала. Суповна и Горшеня тянули их в разные стороны: Суповна — Рину, а Горшеня — дракончика. Сцена вышла душераздирающая. Проще всего ее будет представить тому, кто хотя бы раз в жизни пытался удержать в ванне паникующего кота, с которого душем смывают шампунь.

Минуту спустя Рина, бледная от пережитого ужаса, сидела за столом Кавалерии и смотрела на свою изодранную руку, на которую Суповна щедро лила перекись. Перекись шипела и, окрашиваясь в розовый цвет, повисала на ране хлопьями.

— Ничо, девка! Терпи! Подштопаем тебя — будешь как новенькая! Это мужики пушай от крови в обморок грохаются! Женщины... — это слово Суповна произносила как «женьщины», — они храбрее мужиков во всех глобальных испытаниях. Даже в детстве девчонки кровь сдают в пять раз спокойнее мальчишек. Кто вечно валяется в коридорах детских поликлиник полуживой с прижатой к пальчику розовой ваткой?

— Я же хотела как лучше! — стараясь не смотреть на свою руку, обиженно повторяла Рина. — Чего он в меня вцепился?

— Просто... ты... не та! — медленно произнес Горшеня. — Нельзя было... трогать. Сам... должен... выбрать!

В коридоре что-то забухало, донеслись возбужденные голоса. Там кто-то с кем-то боролся. Один человек прорывался внутрь, а другой его задерживал. Потом в дверь чем-то одиночно стукнули — и опять возня. Видно, того, кто постучал, пытались оттащить.

— Войдите! — разрешила Кавалерия.

Что-то неуклюже завозилось, цепляя стены, и в кабинет на костылях ввалилась Наста. Она бы-



уветок трех миров

ла раскрасневшаяся и очень злая. За ней, пытаясь ее успокоить, переваливался Рузя.

— Не надо! Не надо! — повторял он.

— Скажите своему Меркурию, чтобы пускал меня в пегасню! Я ему там все перебыю, если не будет пускать! — крикнула Наста с порога.

Кавалерия посмотрела на Насту сперва сквозь очки, а потом поверх них, сверяя впечатление. Во внешности Насты с прошлой их встречи произошли некоторые изменения. Наста окончательно избавилась от своих бровей — прекраснейших во всем ШНыре — и на их месте написала не то тушью, не то еще чем-то «*б р о в и*». Буквы, разумеется, располагались дугой. Одна дуга — там, где была правая бровь, другая — на месте левой.

— Что-то не так? — спросила Наста задиристо.

— Да нет. Все прекрасно, — заверила ее Кавалерия. — Так почему Меркурий Сергеич прогоняет тебя из пегасни?

— Она хочет верхом, — наябедничал Рузя.

— Да! Хочу!

— Тебе нельзя!

— Это тебе ничего нельзя! Отвали, пингвин!

Отгоняя Рузю, Наста взмахнула костью. Стеллаж, разделявший кабинет на две части, покачнулся, и фарфоровая фигурка играющего ребенка скользнула к краю. Рузя тоненько взвизгнул. Коснувшись *серебряной руки на нерти*, Кавалерия подхватила фигурку уже у самого пола и вернула на место.

— Так, — негромко сказала она. — НАСТА! Я считаю до трех. За это время ты должна успеть развернуться на сто восемьдесят градусов и согнуться. Потому что, когда я скажу «четыре», ты окажешься у Лехура в больнице с банкой джема на тумбочке

